

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.521

В. В. Рыбин

СУЩНОСТЬ И ВОЗМОЖНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
МУЗЫКАЛЬНОГО УДАРЕНИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

При описании звукового строя японского языка (ЯЯ) в литературе, как правило, отмечается довольно простой сегментный состав, присущий современному его состоянию. В ЯЯ большое количество открытых слогов, состоящих из согласного и гласного (структуры (С)Г). Стечение согласных ограничено, накладываются запреты и на сочетаемость согласных с некоторыми гласными, конечнослоговые согласные не встречаются в начале слога. В слоге, содержащем имплозивный согласный («первая половина» геминированного согласного), конечнослоговой носовой /N/ или «долгий гласный» (гласный сегмент большей длительности, чем краткий), выделяются ритмические единицы — моры, играющие важную роль в фонологической системе ЯЯ [1].

Носители ЯЯ с легкостью членят любое слово именно на такие единицы (моры), разделение же на более мелкие сегменты (фонемы) — задача для них гораздо более сложная. Е. Д. Поливанов объяснял этот феномен с точки зрения языкового мышления японцев так: «Звук сознается не сам по себе (а согласный, в виде нормы, и произноситься не может сам по себе — в изоляции, т.е. без следующего за ним гласного), а как один из элементов строго определенного слогопредставления» [2, с. 148]. Именно Е. Д. Поливанов применительно к соответствующим японским терминам, соотносимым с ритмическими единицами, — **онъ** и **хаку** — первым в нашем отечественном японоведении стал использовать термин «мора» [3].

Здесь будут рассмотрены некоторые проблемы, связанные не с сегментным, а супraseгментным компонентом, правилами просодического оформления мор, слогов и фонетических слов в ЯЯ.

Обращение к этой теме вызвано не только ее теоретической значимостью и лингводидактическими соображениями, но и необходимостью критики выходящих особенно в последнее время в большом количестве крайне упрощенных публикаций, в которых

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© В. В. Рыбин, 2010

не всегда в корректной форме трактуются просодические явления (акцентуация и интонация) в современном ЯЯ.

В одних из популярных работ ЯЯ называют ошибочно тональным языком, в других утверждается, что в отличие от китайского (тонального!) языка в нем нет «нескольких видов тонального ударения» и что «для нашего уха его звучание несколько монотонно» [4, с. 5]. Есть также авторы, считающие, что в ЯЯ «все слоги произносятся ровно, с одинаковой силой, без ударения» [5, с. 7]. Похожей точки зрения придерживается и дает рекомендацию для пользователей русско-японского разговорника И. А. Шеина: «...лучше читать слова и фразы ровным тоном, без ударений, делая небольшие паузы между словами» [6, с. 6]. Практически повторил слово в слово предыдущих авторов И. Пушкин [7, с. 18]. О.Н. Кун вообще не удосужился даже кратко коснуться японской акцентуации, хотя в его публикации имеется раздел «Фонетика» [8]. Аналогичным образом поступает и Х. Сторм [9].

В публикации, изданной Berlitz Publishing Company, не делается никаких различий между интонацией и акцентуацией: «Японские слова и фразы произносятся ровным тоном. Вместо ударения используется подъем тона голоса, необходимый для различения смысла. Повествовательные предложения начинаются с повышения интонации, заканчиваются ее понижением. В конце вопросительного предложения идет повышение интонации» [5, с. 8]. Такой подход к описанию просодических явлений вряд ли можно считать корректным. Если слова произносятся «ровным тоном», то как же «подъем тона» может использоваться «для различения смысла»? Неясно также и то, как словесная просодика соотносится с интонационными контурами предложений разных коммуникативных типов.

Другой автор в подразделе «Немного фонетики» сообщает: «В японском языке нет привычного нам силового ударения, но важна высота тона, с которым произносятся слоги в слове» [10, с. 50–51]. Здесь присутствует некий намек на отличие японской просодики от русской, понять же, что именно их отличает, видимо, довольно трудно.

Несколько окольным путем характеризует японский акцент С. В. Неверов: «При произношении японских слов <...> следует иметь в виду, что японское ударение (так называемое музыкальное) по своей природе отличается от русского, и освоение его требует некоторой практики <...> Нужно помнить, что ударный слог не следует произносить энергично, как в русском, а значительно мягче. Он должен лишь чуть выделяться среди окружающих его безударных слогов» [11, с. 11]. В этой трактовке японского музыкального ударения также остаются неясности: каким именно образом ударный слог в ЯЯ выделяется на фоне безударных и что значит «произносить ударный слог значительно мягче, чем в русском».

А. Н. Колесников, сравнивая акцентуацию в русском и ЯЯ, приходит к следующему заключению: «В русском языке слоги, стоящие под ударением, произносятся с большей силой, дольше звучат; безударные гласные имеют меньшую длительность, произносятся с меньшей силой. В японском языке ударение носит не силовой, а тональный характер (“музыкальное ударение”), т. е. слоги произносятся с повышением или понижением тона. От того, на какой слог приходится повышение тона, может зависеть смысл слова» [12, с. 16–17]. Этот автор, давая не очень четкое описание русского акцента, делает тут же не совсем корректную оговорку по поводу японского ударения относительно того, что в нем «изменение тона не столь значительно» [12, с. 17]. Комментировать такой подход крайне сложно: с одной стороны декларируется смысловоразличительная функция

музыкального ударения, с другой — незначительность тональных изменений. В результате получается какой-то замкнутый круг: в ЯЯ есть повышение/понижение тона, играющее дистинктивную роль, но оно же по каким-то причинам определяется почти нефункциональным.

Японисты-лингвисты, уделявшие внимание японскому ударению, по-разному описывают это явление и нередко имеют отличные друг от друга мнения по поводу его акустических характеристик и функций.

После известных работ Е. Д. Поливанова (1915 г. [3], 1928 г. [13], 1930 г. [2] и др.), в которых он определил японскую акцентуацию термином «музыкальное ударение», ряд отечественных лингвистов обращались к его описанию.

Так, П. И. Шеманаев, соглашаясь с тем, что ударение в ЯЯ — музыкальное, трактует его следующим образом: «...японский язык для дифференциации слов использует тон голоса, т.е. относительную высоту ударяемого гласного по отношению к высоте безударных слогов» [14, с. 44] и далее: «...японский язык знает три тона голоса: высокий, средний и низкий, т.е. изменение высоты звука происходит в диапазоне трех типов» [14, с. 45]. Постулируя трехступенчатость японского акцента, автор в дальнейшем изложении не отмечает специально в транскрипционных записях отдельно низкий и средний тоны, считая, что их распределение в фонетическом слове подчиняется следующему правилу: «...первая мора в слове, если на нее не падает ударение, всегда низкого тона. При отсутствии высоких мор в слове первая — низкая, последующие — средние. Моря, следующие за морями высокого тона, имеют средний тон» [14, с. 45]. С одной стороны, этот автор предпринял попытку дать в кратком виде детальное описание движения голосового тона, с другой стороны, в его описании присутствуют сразу два подхода, как фонетический, так и фонологический. Когда Шеманаев без аргументации и доказательств утверждает, что первая мора фонетического слова всегда низкая, если она сама не является ударной, то это сближает его точку зрения с фонологической трактовкой японского акцента, а приписывание среднего тона море, следующей сразу за высокой, — скорее с фонетическим (в узком смысле) подходом. Как видно, налицо смешение двух подходов — близкого к детальному (акустическому), с одной стороны, и функциональному — с другой. Следует добавить, что постулирование трехступенчатости японского акцента — это, по сути, попытка детализировать движение голосового тона в пределах фонетического слова. Нам трудно полностью согласиться с утверждением Шеманаева, что акустически первая (неударная) мора — только низкая (есть много свидетельств того, что она часто очень незначительно отличается по высоте от следующей высокой), а ударная — средняя (часто она ниже по частоте предударной первой, скажем, в трехморных словах со второй ударной морой).

Н. И. Фельдман дает следующее описание японского акцента и подходов к его трактовке: «Ударение в японском языке выражается в различии относительной высоты тона. Повышение тона может распространяться как на одну мору, так и на несколько. Относительно роли повышения и понижения тона единства взглядов нет. Некоторые <...> считают существенным весь рисунок голосовой мелодии; другие <...> — только наличие или отсутствие так называемого ядра ударения, т.е. высокого слога, за которым следует низкий» [15, с. 18]. Обратим внимание, что, по Фельдману, после высокого сегмента идет низкий, а по Шеманаеву, — средний. Важно, что Н. И. Фельдман намечены два подхода к описанию японского акцента: один, связанный только с наличием/отсутствием выделенного сегмента (ядра ударения), и другой, основанный на значимости всего мелоди-

ческого рисунка фонетических слов. И еще: Н. И. Фельдман делает принципиальное для стандартного ЯЯ дополнение относительно того, что «в токийском диалекте первые две моры непременно различаются по тону, т. е. слово может начинаться как с высокого, так и с низкого тона, а со второй моры начинается соответственно понижение или повышение» [15, с. 18]. Из этого следует, что сама автор как будто придерживается двухступенчатой теории японского акцента, ничего притом не говоря о его функциях.

Т. М. Гуревич в работах, посвященных словесному ударению в ЯЯ и основанных на экспериментальных исследованиях, пришла к выводу о том, что «для японского словесного ударения функциональную значимость имеет тоновой компонент, тогда как динамический и темпоральный компоненты, вероятно, являются признаками, лишь обеспечивающими восприятие ударного слога в слове, но не являющимися для него обязательными» [16, с. 10]. В этом выводе не совсем уместно упоминание темпорального компонента, поскольку длительность сегментов в ЯЯ задействована на другом — сегментном — уровне для дифференциации гласных по признаку «краткий — долгий», и он не имеет никакого отношения к музыкальной акцентуации в ЯЯ. Интенсивность сегментов, несущих акцент, также напрямую никак не связана с распределением низких и высоких мор в мелодическом рисунке фонетических слов. Наши комментарии основаны на анализе экспериментальных данных, которые мы получили, исследуя акустические и перцептивные корреляты японского музыкального ударения [17]. Добавим, что Т. М. Гуревич использовала в своих экспериментах слова с одинаковым сегментным составом, предположительно имеющие различную акцентуацию — xa^1 ‘зуб’ и xa^0 ‘листва’. Применение в приведенной транскрипции разных индексов как будто свидетельствует о том, что Т. М. Гуревич выделяет даже среди односложных (одноморных) слов два акцентных типа слов-слогов — ударные и безударные. Анализируя полученные данные, этот автор пришла к заключению, что «односложные слова, взятые изолированно, <...> отличаются по высоте, но не различаются на слух нашими аудиторами...» [16, с. 9]. В данной работе не приводятся подробности, связанные с тем, как производился эксперимент по восприятию стимулов указанного типа, но нам представляется важным, что они не распознаются в изолированной позиции носителями ЯЯ. Из этого как будто следует, что морфемное тождество двух односложных (одноморных) слов (xa^0/xa^1) становится неопределенным.

Н. А. Сыромятников характеризует ударение в ЯЯ так: «Акцентуация японского языка является музыкальной, т.е. играет роль не сила звука, а относительная его высота — частота колебаний голосовых связок при произнесении ударных гласных по сравнению с безударными. Японское ударение является регистровым, т. е. движение голоса (повышение или понижение) на протяжении ударного или безударного гласного не играет роли (в отличие от китайского, вьетнамского, тайского языков, имеющих тоны). Кратчайшей единицей, могущей нести ударение, является мора, равная краткому слогу или половине долгого. Даже одноморные слова могут различаться по относительной высоте — они подразделяются на высокие и низкие. Значительная часть слов не имеет высоких мор» [18, с. 693]. Ошибался Н. А. Сыромятников как в том, что одноморные слова отличаются по высоте, так и в приписывании среднего (постепенно понижающегося к концу слова) тона сегментам, следующим за ударной морой. Наши данные (в том числе экспериментальные) говорят об обратном: одноморные слова не отличаются по признаку высоты тона в изолированной (слабой) позиции, а на заударных сегментах происходит резкое падение частоты основного тона (ЧОТ).

Точку зрения Н. А. Сыромятникова на японскую акцентуацию разделяют некоторые наши отечественные японисты (Л.Т. Нечаева [19], Н. В. Власова [20] и др.), повторяя вслед за ним и неточности в описании движения ЧОТ в мелодических «кривых» ряда фонетических слов. Кроме того, лингвисты, признающие наличие низкого или высокого тона в одноморных словах, как правило, определяют японский акцент трехступенчатым, а акцентированными словами — только те, в которых есть ядро ударения.

Наиболее последовательным из опубликованных на русском языке в последние годы, безусловно, следует назвать описание музыкального ударения в ЯЯ, данное С. А. Старостиным в разделе «Супрафонология» [21]. Этот автор отнес к реализационным просодическим признакам только мелодический, придерживаясь при этом теории о наличии в японском трех степеней высоты тона, но сделал притом очень важную оговорку: «В настоящее время более распространено представление о двухтональной системе (без среднего тона: если средний тон следует за низким, он представляется как высокий; если же средний тон следует за высоким, он представляется как низкий)» [21, с. 87].

Возражения здесь вряд ли уместны, так как подход сторонников той или иной точки зрения имеет свои обоснования. Мы же придерживаемся именно двухступенчатой (функциональной) трактовки японского акцента, хотя в полученных нами на основе осциллографического анализа интонограммах наблюдаются сегменты, тон которых можно было бы отнести к среднему (на безударной море в анлауте и на первой заударной море в словах, состоящих более чем из двух мор).

Мы не можем согласиться с трактовкой Старостиным фонетических слов (фразем), не имеющих выраженной акцентной вершины (ядра), т. е. определенных им как безударные: «Все такие фраземы имеют единственный тональный контур: низкий тон на 1-й море и средний тон на всех остальных морах; если же такая фразема одноморна, она имеет средний тон» [21, с. 90]. Несогласие наше связано с тем, что, во-первых, в словах типа *хаНА* 'цветок', признанных сторонниками трехступенчатой трактовки акцента в ЯЯ как имеющие вторую ударную мору, и словах типа *хаНА* 'нос', признанных этими же исследователями безударными, нет никаких принципиальных различий ни с акустической, ни с перцептивной точек зрения (см. ниже). Во-вторых, постулирование среднего тона для одноморных слов выглядит лишеным логики, так как сам автор утверждал, что высота тона в японском никогда не является абсолютной, «т.е. определить, имеет ли данный звук низкий, средний или высокий тон, можно путем соотнесения его с тоном соседних звуков» [21, с. 85]. И еще одно возражение связано с неудачным (ошибочным!) выбором С. А. Старостиным двух примеров — *ХАси* 'палочки для еды' и *хаСИ* 'край' (слова с заведомо различной контрастной акцентуацией) — как минимальной пары для доказательства трехступенчатости японского акцента. На основании этих примеров, которые «многие информанты хорошо различают» (что вполне естественно!), утверждается, что их распознавание «поддерживает трехтональную теорию» [21, с. 87]. К сожалению, ошибочно выбранные примеры привели этого автора и к ошибочному выводу.

В недавно опубликованной работе С. А. Быковой видно, что автор до конца не определилась с выбором одной из двух существующих теорий описания японского акцента и не совсем корректно трактует понятие «омонимия», считая даже слова с контрастным мелодическим оформлением омонимами. Она также допускает ошибку: при описании тех типов ударения, которые не играют смысловозначительной роли, автор выбрала минимальную пару *ХАси* 'палочки для еды' и *хаСИ* 'мост', считая эти слова принадлежащими к «ударению одной формы». С. А. Быкова усугубляет ошибку данным ею

объяснением: «В этом случае звучащие одинаково с точки зрения иностранца, например *хаси* ‘палочки для еды’ и *хаси* ‘мост’, действительно произносятся с одним и тем же типом ударения» [22, с. 79]. Нам представляется, что аргументация с различием/неразличием иностранцем контрастных по ударению фонетических слов не выдерживает критики. Заметим, что носители ЯЯ практически в 100% случаев их распознают, а если иностранец не натренировал свой слух на соотношение тонов («выше-ниже» или «ниже-выше»), то это не имеет никакого отношения к системе ударения в ЯЯ.

Судя по описанию, С. А. Быкова считает главной (и единственной) функцией ударения смысловоразличительную. Такая функция у японского ударения тоже есть. Ср. *Амэ* ‘дождь’ и *АМЭ* ‘тянучка (конфета)’, что похоже на *русск.* мука — мука, только выраженное другими просодическими средствами. Но можно ли считать ее единственной? Ведь есть масса фонетических слов, имеющих свое акцентное оформление, но не имеющих соответствующих пар!

Попробуем далее кратко прояснить несколько запутанную картину японской музыкальной акцентуации. Во-первых, японское ударение не является фиксированным — по сегментному составу невозможно определить распределение тонов (регистров) на всем фонетическом слове, часто совпадающем с синтагмой. Во-вторых, мелодическая «кривая» (акцентный контур) в целом характеризует фонетическое слово, в котором может выделяться акцентное ядро, после которого происходит резкое падение голосового тона на заударных сегментах. Акцентный контур выполняет объединяющую роль, консолидирующую сегменты в единое целое. Мы не выделяем безударных слов, считая последнюю высокую мору, после которой не происходит падение тона, латентно-акцентной. В-третьих, при почти полном отсутствии правил «постановки ударения» существуют общие правила, характеризующие японский акцент в целом и сводимые к следующим положениям: 1) в слове выделяется ударная мора; 2) каждое фонетическое слово характеризуется акцентным контуром, который может быть определен как «кривая», отражающая распределение высоты тона на каждой из мор в зависимости от ее положения относительно ударной; фонетическим коррелятом ударения служат регистровые различия: ударная мора и все предупредительные, кроме первой в слове (если она сама не является ударной), произносятся с повышением мелодики, заударные — с понижением.

Схематически эти правила наглядно можно проиллюстрировать на примере четырехморных фонетических слов, обозначив каждую мору одной чертой, расположенной на соответствующем ее тону уровне: _ - _ _ ; _ - - _ ; _ - - - ; - _ _ _ . В стандартном ЯЯ недопустимы следующие варианты: _ _ - - ; _ - _ - ; _ _ _ - ; - - - - ; - _ - _ ; - - - _ .

Следует отметить, что из формулировки правил японской акцентуации видна роль моры и для японской супraseгментной фонологии [23]. Рассматривая японскую акцентуацию и роль моры в ней, J. McCawley определил мору как единицу фонологического расстояния (unit of phonological distance), а ЯЯ отнес к моросчитающим силлабным языкам [24, p. 131, 134].

Одним из спорных моментов, касающихся закономерностей японского музыкального ударения, является приписывание словам, состоящим из N мор, N+1 типов акцентуации, т.е. одноморным соответствуют два типа акцентных контуров, двуморным — три и т. д. [25, с. 65]. А это значит, что некоторые исследователи признают не только наличие разных регистровых соотношений, которые не являются абсолютными и носят относительный характер (см. выше), но и их распознаваемость в изолированном произнесении. Ср. *ха* ‘лист’ и *ХА* ‘зуб’, *ки* ‘дух’ и *КИ* ‘дерево’, *э* ‘рукоятка’ и *Э* ‘картина’, *хаНА*

(апострофом отмечены моры, после которых происходит падение тона при наличии правого контекста) 'цветок' и **хаНА** 'нос', **хаСИ** 'мост' и **хаСИ** 'край' и т. д. Выйти из этого замкнутого круга могут помочь экспериментальные данные, отражающие не только акустические параметры слов, приведенных выше, но и их восприятие.

Так, экспериментальные данные Сакума Канаэ, связанные с изучением ЧОТ в одноморных словах, свидетельствуют об отсутствии принципиальных различий в акцентных контурах таких слов. Судя по графикам, приводимым этим автором, одноморные слова типа Э 'картина' несколько чаще имеют более высокую ЧОТ, чем слова типа э 'рукоятка' (конфигурация же мелодической кривой может быть различной как у тех, так и у других) [26, с. 408]. Отсутствие существенных различий в словах обсуждаемого типа в значениях ЧОТ отмечает на основе большого экспериментального материала и Сугитоо Миёко. Вот ее вывод: «В движении основного тона у одноморных слов с одинаковым сегментным составом в токийском диалекте нет очевидных различий» [27, с. 62]. Этот же автор инструментально исследовала и слова, приведенные выше: **ки** 'дух' — **КИ** 'дерево'; э 'рукоятка' — Э 'картина'. Здесь можно сослаться на высчитанную нами по данным М. Сугитоо среднюю ЧОТ для указанных слов: э 'рукоятка' и Э 'картина' — 126,3 и 126,2 Гц соответственно, **ки** 'дух' и **КИ** 'дерево' — 133,1 и 122,3 Гц.

В известном нам эксперименте Й. Неуступны для восприятия предъявлялись слова-стимулы такого же типа. В качестве диктора и аудитора в данном случае фигурировал один и тот же носитель ЯЯ. Полученные результаты по идентификации стимулов: **КИ** 'дерево' правильно распознавалось от 81 до 100% случаев, **ки** 'дух' — от 5 до 14% [28]. Разброс в данных отражает результаты, полученные при пятикратном повторе эксперимента. Из этого видно, что ошибочное восприятие **ки** 'дух' свидетельствует не только о его неразличимости от **КИ** 'дерево', но и косвенно о различной субъективной вероятности этих слов.

С целью получения более убедительных статистических данных и решения вопроса о фонологичности различий в словах такого типа нами был также поставлен эксперимент, в котором использовалась магнитная запись 30 одноморных слов (15 пар) (такое же количество двуморных (двусложных), акцентное оформление которых часто является предметом дискуссий, т. е. типа **хаНА** 'цветок' и **хаНА** 'нос'), прочитанных в случайном порядке одним диктором-мужчиной, носителем стандартного ЯЯ. Каждый стимул прочитывался три раза, аудирование проводилось в два этапа. На первом этапе девяти аудиторам предлагалось записать иероглифами то, что они слышат. На втором этапе были розданы списки, содержащие пары слов, из которых восемь аудиторов должны были сделать выбор одного из слов, соответствующих, по их мнению, услышанному. После двух этапов были получены следующие результаты: одноморные слова опознавались в пределах от 42 до 60%. Однако для отдельных слов наблюдался довольно большой разброс идентифицирования, и при этом не обнаруживается никакой закономерности: **ки** 'дух' правильно воспринято в 18% случаев, а **КИ** 'дерево' — в 71% случаев; **ти** 'кровь' — в 82%, а **ТИ** 'земля, почва' — в 41% случаев. Для двуморных (двусложных) слов получены следующие результаты правильного восприятия: **каКИ** 'хурма' (тот же акцентный тип, что у **хаНА** 'нос') — около 100% случаев, а **каКИ** 'забор' (акцентный тип как у **хаНА** 'цветок') — только в 12% случаев. Сгруппировав все слова-стимулы по одинаковости акцентных контуров и подсчитав средние данные по их распознаванию, мы убедились в том, что слова таких типов правильно идентифицируются в пределах от 46 до 56% [28].

Каким же акцентуационным типом обладают **КИ** 'дерево' и **ки** 'дух' при изолированном произнесении? Мы считаем, что оба они имеют высокий тон, но при присоединении морфем справа одно сохраняет этот регистровый уровень (**КИ-га** 'дерево' им.п.), а другое утрачивает (**ки-ГА** 'дух' им.п.). Ср. с *русск.* вода, но по воду. Другими словами, с точки зрения просодики морфема **КИ** 'дерево' является доминантной по отношению к морфемам, примыкающим справа, а **ки** 'дух' — релятивной.

Как же можно трактовать с функциональной точки зрения реальное различие в парах типа **КИ** 'дерево' и **ки** 'дух'? Можно считать не последнюю позицию для них — сильной, а последнюю позицию (перед паузой) — позицией нейтрализации. Существенно, что нейтрализации подвергаются не акцентные контуры, а морфемы: именно морфемное тождество становится неопределенным, что и является, по В.Б. Касевичу, основным результатом процесса нейтрализации. Такое соотношение (различие) пар типа **КИ** — **ки** следует трактовать как морфонологическое: фонологически они тождественны и сегментно, и просодически, но с точки зрения просодической морфонологии отличаются, так как обладают разными правилами акцентного оформления при сочетании с другими морфемами.

Из изложенного выше видно, что мы трактуем акцентуацию шире, чем выделение некоего сегмента в составе фонетических слов. Акцентные контуры в ЯЯ играют консолидирующую роль на уровне фонетических слов, часто совпадающих с синтагмами, а также отчасти выполняют делимитативную функцию (начальный переход от низкой моры к высокой), указывая на начало слова (фраземы). Дистинктивную (смыслоразличительную) функцию мы считаем второстепенной: во-первых, рассмотренные выше примеры (**ки** — **КИ**, **хаНА** — **хаНА'**) убеждают нас в неразличимости таких омонимов в изолированной позиции (ср. с *русск.* **бор** в разных значениях); во-вторых, в ЯЯ есть много действительно настоящих омонимов, слов с одинаковым сегментным составом, имеющих одинаковое акцентное оформление в любых контекстах. Ср. **СИ** 'смерть', **СИ** 'четыре', **СИ** 'город', а также **Ики** 'дыхание', **Ики** 'район, граница', **Ики** 'настроение' и т. д.

Японское музыкальное ударение является подвижным, определение акцентных типов фонетических слов по их сегментному составу является затруднительным. Детальное описание японской просодики необходимо не только с теоретической точки зрения, но и для лингводидактических целей. Для изучающих ЯЯ необходима разработка соответствующих упражнений с целью выработки адекватных как произносительных, так и перцептивных навыков.

Литература

1. Рыбин В. В. О значимости моры для описания фонологической системы современного японского языка // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Вып. 3. Филология. Востоковедение. Журналистика. СПб., 2006. С. 144–166.
2. Плетнер О. В., Поливанов Е. Д. Грамматика японского разговорного языка. М.: Изд-во Московского института востоковедения, 1930. 189 с.
3. Поливанов Е. Д. Музыкальное ударение в говоре Токио // Известия Императорской Академии наук. Сер. VI. Т. IX. № 15. Пг., 1915. С. 1620–1625.
4. Японский язык за три месяца: Учеб. пособие / Дж. Брин; пер. с англ. П. Г. Курячего. М.: Астрель; АСТ, 2005.
5. Японский разговорник и словарь. М.: Живой язык, 2005.

6. *Шейна И. А.* Русско-японский разговорник. Ростов н/Д: Феникс, 2004.
7. Русско-японский разговорник. Общение на японском языке / И. Пушкин. М.: АСТ, 2005.
8. Японский язык за один месяц: Самоучитель разговорного языка / О. Н. Кун. М.: АСТ; Восток-Запад, 2006.
9. *Сторм Хироко.* Современный курс японского языка: Пер. с англ. М.: Живой язык, 2002.
10. *Баринюв Ю. В.* Японский за 42 дня. М: Филоматис, 2005.
11. Русско-японский разговорник / С. В. Неверов. 5-е изд., испр. М.: Живой язык, 2004.
12. Японский для всех: Пособие по изучению разговорного языка / Автор-сост. А. Н. Колесников. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Наука, 1994.
13. *Поливанов Е. Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л.: Изд-во Ленинградского Восточного института, 1928.
14. *Шеманаев П. И.* Курс фонетики современного японского языка. М.: ВИИЯ, 1955.
15. *Фельдман Н. И.* Японский язык. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002.
16. *Гуревич Т. М.* Опыт экспериментально-фонетического исследования словесного ударения в японском языке // Восточное языкознание. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 14–17.
17. *Рыбин В. В.* Об акустических и перцептивных коррелятах ударения в японском языке // Востоковедение. Вып. 13. 1987. С. 43–54.
18. *Сыромятников Н. А.* Музыкальное ударение в японском языке // Японско-русский словарь. М.: Русский язык, 1984. С. 693–694.
19. *Нечаева Л. Т.* Японский язык для начинающих. Ч. 1. Вышний Волочек: Буквица, 1999.
20. *Власова Н. В.* Японский язык от А до Н: Учеб. пособие для начинающих. Ч. 1. М.: РГГУ, 2006.
21. *Алпатов В. М., Вардуль И. Ф., Старостин С. А.* Грамматика японского языка. Введение. Фонология. Супрафонология. Морфонология. М.: Вост. лит., 2000.
22. *Быкова С. А.* Типы ударения в японских диалектах // Актуальные проблемы японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля / Отв. ред. В. М. Алпатов, З. М. Шаляпина. М.: Вост. лит., 2005. С. 79–83.
23. *Касевич В. Б., Шабельникова Е. М., Рыбин В. В.* Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
24. *McCawley J. D.* The phonological component of a Grammar of Japanese. The Hague; Paris, 1968.
25. *Хасимото Синкити.* Методы исследования родного языка // Языкознание в Японии / Сост. и предис. В. М. Алпатова; общ. ред. И. Ф. Вардуля. М.: Радуга, 1983. С. 60–67.
26. *Сакума Канаэ.* Нихон онсэйгаку (Японская фонетика). Токио: Хокусэйдоо, 1963.
27. *Сугитоо Миёко.* Нихонго акусэнтон-но кэнкью (Исследования по акценту в японском языке). Токио: Сансэйдоо, 1984.
28. *Рыбин В. В.* К проблеме нейтрализации акцентных контуров в японском языке // Востоковедение. Вып. 12. 1986. С. 33–45.